

Секция «Социология»

Замена Дня Октябрьской революции "Днем народного единства" как пример исторической политики государства.

Лашевская Анжелика Дмитриевна

Аспирант

УрГПУ - Екатеринбург, Социологический факультет, Екатеринбург, Россия

E-mail: lika-diamond@yandex.ru

Во все времена все народы создавали мифы и мифические образы собственной истории. Мифологизация нередко идет рука об руку с политизацией истории: государство неизменно проводит определенную политику памяти, то есть влияет на содержание учебников истории, на то, какие события отмечаются на государственном уровне как особо значимые. Кажется бы, политизация истории – не новая проблема. Однако в последнее десятилетие дискуссия вокруг связи истории и политики получила новый виток. В 2004 году в Польше окончательно закрепился термин «историческая политика» (от немецкого «Geschichtspolitik»). Сторонники исторической политики говорили о необходимости утверждения «здорового патриотизма с помощью истории, а также о противостоянии «искажениям» польской истории внутри страны и за рубежом». [Траба, 2009, с.47]

Алексей Миллер, позицию которого мы разделяем, предлагает различать «политизацию истории как в той или иной степени неизбежность и историческую политику как плод определенной сознательной политической инженерии». По его мнению, это «качественно более интенсивное, чем обычно, вмешательство в вопросы истории той части политической элиты, которая контролирует власть в данный момент, для борьбы с внутренней оппозицией и достижения определенных целей в деле нациостроительства, а также для получения определенных преимуществ в международных отношениях». [Настоящее прошлого, 2009, с.22]

В России историческая политика осуществляется едва ли не более масштабно, чем во всех соседних странах Восточной Европы [Астров; Касьянов; Траба], хотя начало ей было положено значительно позднее. Приведем основные примеры:

1) В 2006 году была собрана команда под руководством А.В. Филиппова для написания комплекта учебников и методических пособий по истории России XX века. Результатом стала публикация огромным тиражом (250 тыс. экземпляров; для сравнения – в среднем учебники издаются тиражом 10 тыс. экз.) учебника по истории XX века, идеологически выверенного и поддержанного госструктурами.

2) Создание комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России (Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. 549 “О комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России”). [Официальное интернет-представительство Президента России].

Оба события вызвали бурную дискуссию, как в научном сообществе, так и в публичных кругах, СМИ. Сложно не заметить, что вектор усилий направлен, по преимуществу, на советский период истории, как и то, что «историческая политика» в тех странах, где она осуществляется, чаще всего касается итогов Второй мировой войны. Или событий, непосредственно связанных с ней, имеющих отношение к характеристике

режимов, которые сложились до ее начала (например, голодомор на Украине), либо событиях, косвенно связанных с Первой мировой войной (Турция и геноцид армян 1915 года).

Мы хотим обратиться к другому примеру исторической политики: в 2005 году было отменено празднование Дня Октябрьской революции (7 ноября) и введен новый праздник – «День народного единства», отмечаемый 4 ноября. Интересно провести компаративный анализ этих двух праздников, проанализировать логику и идеологию «замены». Ведь налицо «политика памяти» (относительно 4 ноября 1612 года) и параллельная ей «политика забвения (или вытеснения)» (относительно 7 ноября 1917 года). Громадная разница в исторической перспективе позволяет провести различие между *актуальным* переживанием эпохи и *универсалиями* народной памяти.

Общественное отношение к Октябрьской революции - пример четко выраженного фальшструкта [Лашевская, 2010]. Даже апологеты большевизма вынуждены исходить из сегодняшних реалий. Что касается событий конца смуты, условным апофеозом которых выступает 4 ноября, то сейчас мы имеем дело с сохраняющим историческую актуальность, но весьма вялым мифом. При этом мы наблюдаем внешние (в плане субъекта), искусственные попытки этот миф фальшструктуризировать. Очевидно, фальшструкт строится на сопоставлении отчаянного положения России на исходе Смутного времени и нынешних великодержавных идей, так что стратегическое воодушевление вызывают (по замыслу) успехи четырёхвековой давности и личностная героика. Концепция героической истории – разыскивает через пространство и время события, пригодные для героизации, создания героев. Это может простираться и на тысячи лет назад. 1612 год – дата именно такого рода. По мнению главного редактора журнала «Мир кино» Д.Дондурья, «мы будем гордиться событиями 4 ноября 1612 года, особенно после выхода огромной эпопеи В. Хотиненко «1612 год». И ее премьера состоится 4 ноября . . . , как раз накануне 90-летнего юбилея Октябрьской революции 1917 года. И, конечно, все телеканалы будут работать на новый праздник. Перекодирование сознания продолжается» [Прошлое, 2008, с. 52].

Однако, как показывают опросы общественного мнения и практика празднования «Дня народного единства» за прошедшие 5 лет, общественным сознанием фальшструкт принят не был. Можно говорить только о некотором оживлении мифа.

Это объясняется логикой миф-фальшструктивного перехода. Отмена 7 ноября автоматически выключила определенные механизмы памятования в общественном сознании, введение 4 ноября – какие-то (частично другие) включает. Например, отмена 7 ноября выключила очень важный механизм, ответственный за **общенациональное** единство: при известных девиациях, это все-таки был праздник всех национальностей. 4 ноября включить этот или близкий по духу механизм никоим образом не может, т.к. события, к которым новый праздник приурочен, были узконациональным достижением, исключительно русским, да еще за вычетом казачества, последовательно выступавшего на стороне всех самозванцев.

Кроме уже упомянутого фильма «1612», и активной пропаганды нового праздника в СМИ, фальшструкт формируется и при помощи возведения новых памятников (Минину и Пожарскому, Ивану Сусанину). Посредством возведения памятников также включается некоторый механизм фальшструктуризации общественного сознания, оказывающийся малоэффективным.

В результате усилия, предпринимаемые политической элитой, генерируют определенные процессы в массовом сознании, но ни логика, ни направленность этих процессов не могут контролироваться "сверху" и определяются собственными законами массового сознания и теми механизмами саморегуляции (мифологизации и фальшструктуризации), которые еще во многом находятся вне поля анализа современной социологии.

Литература

1. Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et Contra. No. 3-4. С. 109-124.
2. Касьянов Г. Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. No. 3-4. С. 24-42
3. Лашевская А.Д. Миф и «фальшструкт». (О введении нового термина в социальную эпистемологию) // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. XIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург, 2010.
4. Миллер А. Россия: Власть и история // Pro et Contra. No. 3-4. С. 6-23.
5. Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2009.
6. Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2008.
7. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. No. 3-4. С. 43-64
8. Официальное интернет-представительство Президента России: <http://document.kremlin.ru>, до Page=6